

**О месте творческого или «креативного» потенциала
русского языка в практике преподавания
русского языка как иностранного**

Екатерина Москвер

Креативные или творческие возможности языка уже давно привлекают как теоретиков, так и практиков-методистов. Традиционный анализ креативного языка ведет свое начало от работ русских формалистов, особенно Р. Якобсона, который рассматривал поэтическую функцию языка как центральную в литературном языке (Якобсон 1975), и В. Шкловского, определявшего цель искусства как «дать ощущение вещи как видение, а не как узнавание», то есть как остранинное видение, служащее свежему, необычному взгляду на привычные повседневные вещи (Шкловский 1929: 11-13). Обсуждая вопрос о языковой креативности, некоторые исследователи вплоть до недавнего времени придерживались мнения о том, что поэтический язык и повседневная речь являются противоположностями (Widdowson 1992, Bauman and Briggs 1990). Однако в настоящее время противопоставление поэтической и повседневной речи поставлено под сомнение (Tannen 1989, Cook 2000, Crystal 1998). Креативность изучается теперь не только на примерах из литературных произведений, но и на примере текстов рекламы, СМИ, телепередач и теле- и радио-интервью, онлайн-блогов и переписки (Радбиль 2008, Ремчукова 2005, Эпштейн 2007, Carter and McCarthy 1995, Cherny 1999, Kramsch and Kramsch 2000, North 2007). В практике преподавания иностранных языков вопрос о креативности лишь в недавнее время стал освещаться в научных работах, преимущественно с точки зрения языковой игры и юмора (Bell 2007, Cook 1997, 2000, Tarone 2000). Однако в преподавании русского языка как иностранного языковая игра и использование креативного потенциала языка практически не изучены, а существующие исследования концентрируются либо на лексике, либо на фразеологии (Лен Сьюэфен 2008, Чуднов 2006), оставляя в стороне возможные манипуляции с грамматическими формами. В своей работе я останавливаюсь на сущности и проблематике понятия «креативность», привожу примеры различных незарегистрирован-

ных словарями, но употребляющихся в живой речи лексических и особенно лексико-грамматических форм, и определяю какие функции выполняет креатив в различных жанрах речи. В заключении я рассматриваю роль языковой креативности как одну из важнейших в преподавании и изучении русского языка на продвинутом этапе.

Что такое креативность в речи?

Языковая креативность часто приравнивается к языковой игре в том смысле, что на первый план выходит поэтическая функция языка. Однако общепринятого определения языковой игры пока нет, так как некоторые исследователи акцентируют создание комического эффекта, как главную установку языковой игры (Sullivan 2000: 122, Санников 1999: 23), в то время как другие рассматривают языковую игру как осознанный процесс манипуляции языковыми формами, который совсем не обязательно является комическим (Ремчукова 2005). Скорее всего языковая игра предполагает языковую креативность в намеренном создании говорящим необычных или неправильных форм для выражения определенной оценки того или иного явления, как видно из таких новообразований часто употребляющихся в живой речи, как *мэрское правление*, *апофигей* или *аперитивное совещание*.

Как показали исследования, проведенные лингвистами, существует множество точек соприкосновения между поэтической и повседневной речью, так как центральной в них является языковая игра с ее установкой на экспрессивность (Cook 1994, 1996, 2000; Crystal 1998; Kramsch and Kramsch 2000; Ремчукова 2000). В англоязычных исследованиях даже употребляется термин «поэтика разговора», и, как показали Tannen (1989) и Pennycook (2007), такие приемы как повтор, образность, сознательное нарушение норм, ранее ассоциировавшиеся только с поэтической речью, неизменно присутствуют и в повседневной речи. Таким образом романтическое представление об уникальности творчества и творца подверглись значительному пересмотру вплоть до полной демократизации понятия креативность: «Творческое употребление языка является каждодневным, общим явлением. Это не способность особых людей, а особая способность всех людей» (Carter and McCarthy 2004: 83 – мой перевод следующей цитаты: “Creative language use is an everyday, demotic phenomenon. It is not a capacity of special people but a special capacity of all people.”)

Как результат такого понимания креативности, все большее внимание исследователей привлекают к себе не только литературные

тексты, но тексты в широком понимании этого слова: от языка СМИ и устной публичной речи (Гловинская 2000) до языка Интернета (Гловинская 2007, Радбиль 2008, North 2007) и далее по нисходящей до изучения образцов повседневного общения на базе корпуса английского языка (Carter 2000) или записей бесед изучающих английский с носителями английского языка (Bell 2005).

Несмотря на такое радикальное изменение в понятии креативности, ее суть составляет речетворчество говорящего, выражающееся в создании новых форм потенциально разрешенных системой языка и в их целенаправленном употреблении в межличностном контексте.

Речетворчество в современном русском языке

Огромные изменения, произошедшие в России за сравнительно короткий срок, не могли не отразиться в языке и в его речевых проявлениях. Раскрепощение и относительная демократизация общества привели к раскрепощению и демократизации речи и к снятию противопоставления между публицистическим и разговорным стилем. В то же время усиливающееся внимание к личностному и индивидуальному в общественной жизни отразилось в различных формах экспериментирования с языком и в языковой рефлексии, которая подчеркивает и усиливает личное, творческое начало говорящего или пишущего.

Контекст быстро меняющейся жизни, сиюминутность общения в Интернете, а также процесс глобализации часто приводит к тому, что какое-то новое явление требует нового слова или выражения еще не существующего в языке. Этим объясняется огромное количество новых слов и заимствований, в основном из английского языка, и приобретение нового значения устоявшимися в русском языке словами.

Поскольку о словотворчестве, об изменении словарного состава русского современного языка существует обширная литература (Склярская 2001, Валгина 2001, Шмелев 2005) я ограничусь лишь несколькими примерами. На обыгрывании звукового облика заимствованного слова, которое в контексте всего высказывания приобретает дополнительный смысл, построены рекламные лозунги Sony и стирального порошка Tide. В первом случае это *CD и слушай*, где CD ассоциируется с русским императивом *сиди* и в результате всего высказывания как бы наращивает семантический приросток отдыха при слушании музыки. Лозунг Tide-а – *Чистота – чисто Tide* – также играет с заимствованным словом, русифицируя его и делая его синонимом чистоты – *чистотайд*.

В примерах Игоря Милославского, принимавшего участие в дискуссии о современном состоянии литературного языка в журнале «Знамя» (Знамя/2007/7/ia12.html), использование заимствований из английского языка объясняется стремлением к компактности речи. *Киллер* и *убийца* не означают одно и то же, так как *киллер* в русском языке теперь имеет значение «тайный наемный убийца», так же как *имидж* неравнозначен *образу*, потому что *имидж* обозначает «сознательно несколько приукрашенный образ».

Примером устоявшегося в языке слова, изменившего свое значение, является прилагательное *агрессивный*, у которого раньше всегда существовал негативный оттенок. Однако в современном употреблении, как, например, *агрессивный макияж*, негативность больше не ощущается, так как данная фраза получила новое значение интенсификации, усиления обычного макияжа, то есть стала обозначать что-то подобное *heavy makeup*. Например, в одном из выпусков журнала *Vogue* эта фраза находится в таком контексте: «Предсказуемым дополнением к минималистичной ультрасовременной коллекции *Osman Yousefzada* стал бы довольно агрессивный макияж, но визажист...предпочла «эфирный футуризм». (vogue.ru/beauty/fashion-trends/090317-296.aspx).

Если креативный потенциал русской словообразовательной системы привлекает к себе большое внимание, так как именно с появлением новых слов обычно связывают изменения в языке, то креативность на уровне грамматики, то есть создание и употребление новых или потенциальных морфологических и синтаксических форм, и манипуляция, основанная на грамматической вариативности и грамматическом параллелизме, еще только начинает изучаться (Ремчукова 2004, Радбиль 2006, 2008, Эпштейн 2007), хотя актуализация языка в речи СМИ, рекламы, жанра интервью дает массу интересных примеров грамматической креативности. В языковой норме не существует формы «мечт» как родительного падежа множественного числа существительного *мечта*, также как не существует слова «сбыча» (от глагола *сбываться*). Однако «за сбычу всех наших мечт!» как новогодний тост нетрудно узнать, также как и догадаться о смысле названия музыкальной передачи «Сбыча мечт» (www.muz-tv.ru/efir/program/161/). Несуществующее слово и несуществующая грамматическая форма не препятствуют коммуникации, а являются понятными и придают большую экспрессию искусственно созданной фразе по сравнению с нормативной «мечты сбываются».

Другим примером грамматических манипуляций являются определенные неправильные, не разрешенные нормой, но вполне устоявшиеся грамматические формы, ставшие речевыми клише и выражающими иронию, сарказм или насмешку. Такие фразы как *Мы академиев не кончали* или *Падежов не знает* (примеры Ремчуковой) стали в разговорной речи своеобразными знаками безкультурщины.

Высоким потенциалом образования новых форм обладает категория рода существительных. Здесь часто возникает конфликт смысла и грамматики, что в свою очередь порождает образование ненормативных форм способом редеривации. Так отсутствие форм мужского рода у слов *собака*, *обезьяна*, *машина* приводит к часто встречающимся в разговорной речи словам *собак* (*один собак*) (пример Ремчуковой из переписки Маяковского) и к форме *машин* (*выхожу из «Кольца» а мой машин на эвакуаторе красуется* (пример Радбиля из Форума АвтоКазань)).

Как бы в ответ на сетования М. Эпштейна о преобладании категории непереходности глагола в русском языке и как ее результат «непереходность мировоззрения», отражающего «мир, в котором нечто пребывает в себе или движется само по себе, но ничем не движется и ничего не движет» (2007: 4), в современном русском языке наблюдается процесс увеличения числа переходных глаголов опять же способом редеривации, за счет потери частицы *-ся* (Ремчукова 2004: 83). В узусе нет глагола *расплатить*, но в результате семантического сближения с переходным глаголом *рассчитать* становится возможным такое высказывание: «Пожалуйста, расплатите нас в конце концов!» (пример Ремчуковой). По этому же принципу появился глагол *улыбнуть*, сближенный по семантике с переходным глаголом *веселить*, как например в статье новых рекламах банков; «Банки продолжают улыбать картинками¹. А употребление непереходного глагола *уйти* в значении *уволить* (Его ушли) даже стало узуальным.

Богатый материал для языковой креативности представляет собой и категория вида и способов глагольного действия, где происходит процесс образования потенциальных видовых пар. Например, в процессе десемантизации приставки *пере-*, которая утратила значение повторности в новообразовании *перезвонить*, образовалась следующая аспектуальная цепочка *звонить – перезвонить- перезванивать*, которую не создает глагол *позвонить* (*позванивать* не является чисто видовым коррелятом глагола

¹ http://www.prostobank.ua/raznoe/yumor/banki_prodolzhaut_ulybat_kartinkami

совершенного вида, так как обозначает способ глагольного действия, пример Гловинской).

Способы глагольного действия, которые дают представление о характере действия, в креативном употреблении часто приобретают и субъективную оценку этого действия. «Почему, когда о русских говорят, то *приехали*, а как о нас так *понаехали?*» (команда КВН из Армении – пример Ремчуковой). В данном примере выражен дополнительный семантический смысл излишка, превышения разумного количества именно грамматическими средствами удвоенного префикса.

Ремчукова также приводит интересный пример нарушения законов сочетаемости у глагола процессуального значения *ненавидеть*, который в разговорной речи может образовать форму *проненавидеть* и одновременно сочетаться с фразой *всю жизнь*: (В ситуации после развода) *И что же ты так ее и проненавидишь всю жизнь?* Здесь конфликт лексической и грамматической семантики ведет к нарушению нормы, но в то же время делает необычную форму приемлемой для прагматической задачи выражения субъективной оценки действия.

В приведенных примерах мы видим как нереализованные возможности системы языка, отсутствие или неупотребляемость определенной формы, а с другой стороны избыточность системы и наличие выбора, порождают новые, необычные эмоционально окрашенные формы. Создание таких форм возможно именно благодаря системе и является дискурсивным приемом, сознательно выбранным говорящим, и обладающим определенной коммуникативной установкой.

Место языковой креативности в преподавании русского языка как иностранного

Вопрос развития языковой компетенции на продвинутом этапе обучения иностранным языкам уже давно привлекает внимание методистов (Leaver and Shekhtman 2002). Именно на продвинутом этапе важным становится «чтение между строк» и понимание намерений говорящего. А ведь за каждой креативной формой стоит намерение говорящего, наделяющего эту форму дополнительным смыслом. Обилие таких форм в лексике и грамматике современного русского языка и использование их во всех жанрах речи от устного повседневного разговора до публичных выступлений, а также в фильмах, в языке СМИ и современной художественной литературе заставляет серьезно к ним отнестись. Преподаватели на продвинутом уровне хорошо знают, что языковая

компетенция зависит не только от знания и употребления правил грамматики. Важным на продвинутом этапе является осознанный выбор языковых средств, включая и осознанное нарушение правил и норм (Вугнес 2006). Научить и научиться такому выбору можно путем наблюдения и анализа необычных лексических и грамматических образований в современном русском языке. И хотя результатом такого анализа является развитие преимущественно рецептивных навыков, учащийся тем не менее начинает понимать, как создается и меняется значение высказывания, как выстраиваются отношения между говорящим и слушающим, между пишущим и читающим. В ситуации, когда изучающий язык услышит выражение «Мы академиев не кончали», от того, поймет ли он его как стилизацию неграмотной речи или как неграмотную речь, будет зависеть успех или срыв коммуникации.

Библиография

- Валгина, Н.С. *Активные процессы в современном русском языке*. Москва, 2001.
- Гридина, Т.А. *Языковая игра: стереотип и творчество*. Екатеринбург, 1996.
- Гловинская, М.Я. «Язык Интернета как средство обнаружения неустойчивых участков языка.» *Русский язык: исторические судьбы и современность* (материалы конференции). Москва, 2007: 180.
- Лэн Сюэфэн. «Языковая игра с лексическим значением слова в русских анекдотах». *Русский язык за рубежом* 5 (2008): 36-40.
- Радбиль, Т.Б. *Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие*. Москва (2006)
- Радбиль, Т.Б. «Инновационные процессы в лексике и грамматике русского языка Интернета». *Croatica et Slavica Ladertina IV* (2008): 237-244.
- Ремчукова, Е.Н. «Морфологическая транспозиция как тип функционального варьирования грамматической формы». *Материалы научной конференции Санкт-Петербургского университета*. СПб, 2000: 90
- Ремчукова, Е.Н. *Креативный потенциал русской грамматики*. Москва, 2005.
- Санников, В. З. *Русский язык в зеркале языковой игры*. Москва, 1999.
- Склярская, Г.Н. Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы.» *Исследования по славянским языкам* 6 (2001): 177-202.
- Чуднов, В.В. «Варьирование компонентов русских соматических фразеологизмов как речевой прием». *Русский язык за рубежом* 5 (2006): 55-59.

- Шкловский, В. *О теории прозы*. Москва, 1929. 11-13
- Шмелев, А.Д. «Ложная тревога и подлинная беда». *Отечественные записки* 2/23 (2005) <http://www.philology.ru/linguistics2/shmelyov-05.htm>
- Эпштейн, М. «О творческом потенциале русского языка». *Знамя* 3 (2007). <http://magazines.russ.ru/snamia/2007/3/ep18-pr.html>
- Якобсон, Р. «Лингвистика и поэтика». *Структурализм: «за» и «против»*. Москва 1975. <http://philologos.narod.ru/classics/jakobson-lp.htm>
- Bauman, R., and C. Briggs. "Poetics and performance as critical perspectives on language and social life." *Annual Review of Anthropology* 19 (1990): 59-88
- Bell, N. "Interactional adjustments in humorous intercultural communication." *Intercultural Pragmatics* 3/1 (2006): 1-28.
- Bell, N. Exploring L2 language play as an aid to SLL: A case study of humour in NS-NNS interaction." *Applied linguistics* 26/2 (2005): 192-218.
- Byrnes, H. "Perspectives: Interrogating communicative competence as a framework for collegiate foreign language study." *Modern Language Journal* 90/2 (2006): 244-66.
- Carther, R.A. and M.J. McCarthy. "Discourse and creativity: Bridging the gap between language and literature." In *Principle and Practice in Applied Linguistics*, edited by G. Cook and B. Seidlhofer. Oxford, Oxford University Press, 1995. 303-23.
- Carther, R.A. and M.J. McCarthy. "Talking, Creating: Interactional Language, Creativity, and Context." *Applied Linguistics* 25/1 (2004): 62-88.
- Cherny, L. *Conversation and Community: Chat in a Virtual World*. Stanford: CSLI Publications, 1999.
- Cook, G. "Language play, language learning." *English Language Teaching Journal* 51/3 (1997): 224-31.
- Cook, G. *Language Play, Language Learning*. Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Crystal, D. *Language Play*. Harmondsworth: Penguin, 1998.
- Kramsch, C. and O. Kramsch. "The avatars of literature in language study." *Modern Language Journal* 84/IV(2000): 553-73.
- Leaver, Betty Lou and B. Shekhtman (eds.) *Developing Professional-Level Language proficiency*. Cambridge: Cambridge University Press (2002).
- North, S. "The Voices, The Voices': Creativity in Online Conversation." *Applied Linguistics* 28/4 (2007): 538-55.
- Pennycook, A. "'The Rotation Gets Thick. The Constraints Get Thin': Creativity, Recontextualization, and Difference." *Applied Linguistics* 28/4 (2007): 579-96.

- Sullivan, P. "Playfulness as mediation in communicative language teaching in a Vietnamese classroom." In *Sociocultural Theory and Second Language Learning*. Edited by J.P. Lantolf. Oxford: Oxford University Press (2000): 115-31.
- Tannen, D. *Talking Voices: Repetition, Dialogue and Imagery in conversational Discourse*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
- Tarone, E. "Getting serious about language play: Language play, interlanguage variation and second language acquisition." In *Social and cognitive Factors in Second Language Acquisition: Selected Proceedings of the 1999 Second Language Research Forum*. Edited by B. Swierzbin, F. Morris, M.E. Anderson, C. Klee, and E. Tarone. Somerville: Cascadilla Press (2000): 31-54.
- Widdowson, H.G. *Practical Stylistics*. Oxford: Oxford University Press, 1992.